

Атлантические неизвестные величины в войнах на Украине и Газе

(начало на 1-й стр.)

Из предисловия к готовящейся к выходу на итальянском языке книге Гuido Ла Барберы “*Guerre della crisi dell’ordine*”.

Книга Гельмута Шмидта “Люди и державы” (“*Menschen und Mächte*”) полезна для анализа долгосрочных изменений и нарушений равновесия, охвативших американский политический цикл и усиленных сегодня коллизиями *кризиса порядка*. Текст датируется 1987 годом; бывший канцлер Германии анализирует в нём президентства Джимми Картера и Рональда Рейгана в свете смещения центра тяжести американской внешней политики с Восточного побережья на Юг и Запад, а также вторжения *политики-спектакля* и «*телевизионной демократии*».

Шмидт пишет, что, согласно европейским меркам, «*международную политику эпохи Никсона, Форда и Киссинджера можно было бы назвать центристской; Картер сделал поворот на девяносто градусов влево, а позже Рейган снова проложил курс на сто восемьдесят градусов вправо*». По его мнению, на это, безусловно, повлияли «*менталитет и предрассудки*» двух президентов, оба из которых имели «*небольшой международный опыт*». Но причины этих резких изменений, конечно, «*почти исключительно были обусловлены внутренней политикой, её структурами и реструктуризацией, борьбой партий за власть, эмоциональными состояниями и течениями мысли, сложившимися в общественном мнении, а также внутри политического класса*».

Трансформации, которые, по мнению Шмидта, повлияли на «*непоследовательность*» американской внешней политики с 1970-х и 1980-х годов можно свести к четырём факторам. Первый – это закат двухпартийного *истеблишмента* внешней политики, укоренившегося на Восточном побережье, в сочетании со смещением центра тяжести американского экономического роста. В 1950–1960-е годы европейскому политику, который хотел узнать о внешнеполитических намерениях США, «*потребовалось бы всего несколько дней и пара бесед с несколькими членами Совета*» по международным отношениям в Нью-Йорке. Уже после войны во Вьетнаме, отмечает Шмидт, «*последовательность*» и «*предсказуемость*» внешней политики США начали снижаться; вопросы о конфликте «*поляризовали весь американский политический класс*»; многие потеряли самообладание «*и в какой-то степени хорошие манеры*»; другие «*погрузились в серьёзные сомнения*» относительно роли США, «*которым в немалой степени поспособствовала оппозиция, выраженная их собственными детьми*». Подкрепим этот тезис наблюдением, которое полезно и сегодня: разброд и начало истощения *истеблишмента* международной политики, конечно, имело внутреннюю динамику, вспомним лишь последствия “Уотергейта”, захлестнувшего президентство Ричарда Никсона, но элементом, вызвавшим его, был конфликт в Индокитае и проявление первого сезона относительного американского упадка. Второй фактор отражал неравномерное развитие ключевых областей американского империализма: «*Влияние Восточного побережья на внешнюю политику, направленную на Европу через Атлантический океан, администрация Картера, даже в большей степени, чем администрация Рейгана, заменила весом штатов Южного и Западного побережья огромной нации, которой является Америка. Их взоры обратились к Мексике, Карибскому бассейну и западу, через Тихий океан. В то же время в 1970-е годы произошёл заметный сдвиг в экономической динамике, социально-экономическом и демографическом росте со сдвигом в направлении Флориды, Техаса, Калифорнии и других федеральных штатов далёких от Восточного побережья и Среднего Запада, традиционного центра промышленного роста США на протяжении многих поколений*».

Внимание: по мнению Шмидта, этот сдвиг в экономических направлениях также изменил вес региональных политических культур, выявив – наряду с калифорнийским направлением к Тихому океану – исторические линии разлома, лежащие в основе враждебности *Heartland*, континентальной части США, к федеральной власти: «*Регионы, находящиеся в центре нового развития, продемонстрировали большую жизненную силу, не без, однако, большей наивности в отношении внешней политики; также нельзя не заметить широко распространённого презрения к Вашингтону и старому истеблишменту*».

Появились новые лозунги и новые течения мысли. Если Картер находился под влиянием *«трёхсторонней концепции США – Европа – Япония»*, которую отстаивала *Трёхсторонняя комиссия*, продвигаемая Дэвидом Рокфеллером и Збигневом Бжезинским, то в конце 1970-х годов добавился *«новый лозунг Тихоокеанского бассейна»*: *«В глазах многих калифорнийцев мировой экономический рост обрёл новый динамичный центр в этом регионе. Это породило надежду на то, что производственный потенциал Японии, Тайваня, Гонконга и Сингапура можно будет развивать под технологическим и, по возможности, предпринимательским руководством Америки, получив таким образом ещё одну веху во внешней политике и стратегии в целом»*.

С точки зрения Шмидта, это не только затушёвывало отношения с Европой, но и вызывало *«изрядную долю иллюзий относительно азиатских народов и их интересов»*: *«В среднем американцы имеют гораздо меньше знаний о японском народе, его истории, культуре и менталитете, чем о Европе. В ещё большей мере это применимо к Китаю с его пятитысячелетней историей и цивилизацией, но это верно и в отношении такой крупной исламской страны как Индонезия»*. Америка, по словам Шмидта, мало что знала о *«внутренних конфликтах в Азии»*, *«обидах, которые Китай, Корея и Филиппины питают к Японии»*, *«подсознательных страхах»* возвращения китайского влияния или зависти, вызванной успехом миллионов китайцев за границей *«в Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах»*.

Однако *«колоссальный рост Японии»* и политика *«открытости»*, которую ввёл в Китае Дэн Сяопин, стали фактом; внимание Америки было обращено на Тихоокеанский регион, и Европе следовало бы адаптироваться, если она хотела *«сохранить своё влияние на ориентацию и действия США в мировой политике»*.

Тихоокеанский и Индо-Тихоокеанский регион: противостояние по поводу *поворота* в Азию, провозглашённого Бараком Обамой и продолженного Джо Байденом, отметим, имело свои прецеденты при Картере и Рейгане; с другой стороны, уже в 1980-х годах Вашингтон был взбудоражен японским *вызовом*, с реакцией, подобной той, что сегодня в гораздо большей мере порождает китайский *вызов*. Больше, чем со своими приблизительными оценками и *«иллюзиями»* азиатская политика США была вынуждена считаться с законами *империалистического развития*, которые привели к вторжению сначала Японии, а затем китайского гиганта, наряду с множеством средних держав. В этой динамике *азиатской многополярности* нельзя сказать, что Вашингтон до сих пор не справился с задачей балансирования, сначала сдерживая Токио удушающими объётиями асимметричного американо-японского союза, а затем согласившись с Пекином на *квази-альянс*, который сопровождал его появление и рост на мировых рынках. Вопрос о сегодняшнем *повороте* и стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе заключается в том, как этот балансирующий акт может продолжаться в новых колоссальных стратегических диспропорциях, воплощённых Китаем. В остальном, Шмидт, что характерно для его стратегического подхода, считал, что колебания и непоследовательность американской внешней политики действительно следовало знать и учитывать. При этом он думал, что можно будет сопровождать и влиять на её основные направления в Азии.

Третий фактор, выделенный Шмидтом, был связан с трансформациями в партийной системе и относительной слабостью администрации перед лицом групп давления и личных аппаратов отдельных политических лидеров. *«Наряду с закатом истеблишмента Восточного побережья и его растущей заменой людьми с Юга и Запада, – пишет Шмидт, – сплочённость политического класса была подорвана ещё одним фактором, а именно появлением класса интеллектуалов, профессиональных политиков, которые лично не участвуют в выборах, но предлагают, а иногда и навязывают, свои услуги в качестве экспертов и консультантов политикам или кандидатам»*.

Это класс, выраженный двумя секторами. Одна его часть собрана в аналитических центрах, среди которых Шмидт упоминает Rand Corporation, CSIS (Центр стратегических и международных исследований) в Вашингтоне, институты, более связанные с демократами или либеральным центризмом, такие как Брукингский институт и Фонд Карнеги за международный мир; центры, связанные с республиканцами, такие как American Enterprise, или с правыми республиканцами, такие как Гуверовский институт в Стэнфорде, Калифорния, или Heritage Foundation в Вашингтоне. Второй сектор – это аппараты

сенаторов и депутатов, описанные как *персональные партии*, где существует «*климат солидной эффективности, но также интеллектуального соперничества и подчеркнутой партийной поляризации*». Механизм *spoils system*¹, включающей тысячи должностей, означает, что, «*поддерживаемые своими наставниками в Сенате и Палате представителей*», штатные сотрудники «*стремятся оттеснить карьерных чиновников на подчинённые позиции*» и, попав в исполнительную власть, «*включают в своё окружение близких по духу людей из своей среды*». Как следствие, по мнению Шмидта, «*постоянное и всё возрастающее смещение карьерных чиновников почти со всех ключевых постов является одной из главных причин прискорбного отсутствия преемственности во внешней политике США*». В то же время «*не менее пагубные последствия имеет и постепенная адаптация правящего класса к настроениям общественного мнения, на которое всё большее влияние оказывает телевидение*».

Перегруженный двойной функцией лидера государства и главы правительства, президент, по словам Шмидта, с трудом справляется с обеими задачами, в то время как наиболее видные члены аппарата, обученные в основном избирательными кампаниями, «*применяют в основном критерии внутренней политики и связей с общественностью*». Последствия этого, пишет бывший канцлер Германии, сказываются на атлантических отношениях: «*Европейские союзники Соединённых Штатов давно взяли за привычку не придавать чрезмерного значения внешнеполитическим программам, объявленным во время президентских избирательных кампаний. Но им также пришлось смириться с тем, что они вряд ли узнают заранее, что на самом деле будет делать избранный президент. Они не знают, действительно ли их беседы с министрами иностранных дел и обороны, советниками по безопасности, торговыми делегатами и личными назначенцами различных президентов отражают политику США. Они не знают, как долго будет иметь значение то или иное суждение; они озадачены растущим популизмом, характеризующим американскую внешнюю политику, и постоянно увеличивающимся влиянием сенаторов, конгрессменов и их окружения. Правительства стран-союзниц считают Вашингтон сегодня гораздо менее надёжным, чем в период от Эйзенхауэра до Форда. В результате они более осторожны в проявлении себя; они боятся следующей смены курса, потому что не знают, когда она произойдёт и в каком направлении пойдёт*».

Четвёртый фактор в обвинении Шмидта заключается в дисбалансе, влияющем на американскую внешнюю политику, – это «*телевизионная демократия*», доведённая Рейганом до виртуозности: «*Он обладает гениальными способностями обращаться к американцам, к их настроениям и чувствам, и мобилизовать их. У Рейгана [...] прекрасный нюх на настроения людей, как в плане реакции на национальном уровне на случайные эпизоды, так и относительно сокровенных симпатий к идеалам, идолам, иллюзиям, легендам и ритуалам, свойственных американскому народу*».

Уже для Картера и его соратников «*вечерние новости и телевизионные комментарии к событиям дня*» были важнее, чем ежедневное чтение *New York Times*, *Washington Post*, *Los Angeles Times* или *Wall Street Journal*. Американские президенты, считает Шмидт, «*обычно не читают иностранную прессу*». Благодаря телевидению Рейган и его сотрудники формировали представление о том, что было актуально и воздействовало на общественное мнение; на этой основе они формировали свои суждения «*о том, какие шаги были правильными, а каких следовало избегать*», и решали, какими будут «*их политические заявления и решения на следующий день*»: «*Если событие не освещалось телевидением, то оно не требовало вмешательства президента. Однако если телевидение уделило достаточно места – пусть и явно предвзято – какому-то событию, то Белый дом был обязан прокомментировать его, иногда в тот же день, то есть к вечерним новостям, часть которых ретранслируется на следующее утро. В результате многие политические решения принимаются в спешке, а значит, неверно. Иногда это происходит и в связи с решениями, принимаемыми для того, чтобы отвлечь внимание от события, произошедшего накануне и воспринятого как драматическое, устроив позитивное зрелище. Таким образом, телевизионная зрелищность сменяет искусство управления*».

По мнению Шмидта, «*в Соединённых Штатах триумф телевидения как основного инструмента – и источника! – формирования политического мнения стал свершившимся фактом*»: Рейган был первым, кто не только понял, но и «*полностью использовал*

потенциал средства массовой информации». Что касается некоторой атмосферы снисходительного превосходства, которую демонстрируют европейцы, Шмидт предупреждал, что этот путь проложен и для Старого континента: «Они забывают, что и в Европе идёт неостановимый процесс превращения парламентской демократии в телевизионную. В Европе также речи, пресс-конференции, но, прежде всего, телевизионные выступления глав правительств всё чаще становятся объектом сценографического вмешательства спичрайтеров, режиссёров, техников-осветителей, гримёров». Также в Европе «изображение воспринимается быстрее и прочнее, чем печатное слово, в ещё большей мере это касается цветного и движущегося изображения в сочетании с устным словом». «Политический триумф немецкой Bild, английской Daily Mirror, а позднее Sun, периодическое доминирование France Soir в газетных киосках – это лишь генеральная репетиция того, что произойдёт, когда, несмотря на упорное сопротивление, телевидение окончательно станет священным и в Европе: это лишь вопрос времени».

Мы придаём значение тезисам, повествованию и прогнозам Шмидта, потому что они исходят из непосредственного опыта его работы в немецкой канцелярии; отметим, что многие черты сегодняшнего политического цикла, как в Америке, так и в Европе, уже созревали четыре десятилетия назад, начиная с *поляризации*, подорвавшей двухпартийный консенсус, и *политики-спектакля*, где требования инсценировки поглощали время и инструменты политической рефлексии. Мы отсылаем к главе «Новый политический цикл и медиадемократия» в книге *“Crisi dell’ordine e pandemia secolare”*² для актуализации анализа *телевизионной демократии до сетевой демократии* и для анализа внутреннего нарушения равновесия, при котором эти политико-редакционные формы акцентируют, в столкновениях *кризиса порядка*, страхи и эмоциональные колебания «массового и телевизионного индивидуализма».

Неудивительно, что фигура, находящаяся между продавцом недвижимости и телевизионным импресарио, такая как Дональд Трамп, сегодня в высшей степени интерпретирует эту логику и эти нарушения равновесия, усиленные дальнейшим взаимодействием между телевидением и *социальными медиа*. Затем, поскольку его кандидатура или даже президентство кажутся неизбежными, можно будет увидеть, как крупные группы пойдут на компромисс, чтобы воспользоваться ситуацией или по крайней мере не пострадать. Это уже происходит с некоторыми финансовыми центрами, которые признают «*правоту*» Трампа и присоединяются к крупным производителям ископаемых энергоносителей и другим интерпретаторам индустриалистской линии, которые уже поддерживают его.

Государственным деятелям, к категории которых, несомненно, принадлежал Шмидт, свойственна способность объединять политические действия и концептуальное осмысление объективных сил, вызывающих споры, и долгосрочные тенденции, которые их движут и трансформируют. Что касается неизвестных величин трансатлантических отношений, то аргументы Шарля де Голля в 1962 году для мотивации создания французской *Force de frappe*³ остаются беспрецедентными по своему предвидению; мы уже сталкивались с ними в мемуарах Алена Пейрефитта в книге *“C’était de Gaulle”*. По мнению генерала, французские ядерные силы должны были сдерживать не только агрессора, но и «*злоупотребляющего своим положением защитника*», противостоять не только «*угрозам*», но также «*давлению*» и «*шантажу*». Что касается будущих перспектив, то история продемонстрировала возможность «*невероятных потрясений*»: «*Америка может взорваться из-за терроризма, расизма, чего угодно, и стать угрозой миру. СССР может взорваться, потому что коммунизм рухнет, потому что его народы вцепятся друг другу в волосы. Он может стать угрозой*». Поскольку «*на поиски лекарства уйдёт двадцать лет*», Франция должна была действовать немедленно, чтобы обеспечить свою *стратегическую автономию*. Поразительно, насколько прозорливым оказалось это стратегическое видение сейчас, когда США демонстрируют отступление к унилатерализму и сотрясаются от «*лихорадок*» идентичности, в то время как СССР действительно распался в 1989–1991 годах, украинская война демонстрирует, что его народы столкнулись друг с другом в смертельном конфликте, а Россия снова стала угрозой для старушки Европы.

Поразительно и то, как разворот этого стратегического кошмара вновь ставит перед Европейским союзом вопрос о сроках его автономии. Шмидт в предисловии к своей книге

“Люди и державы” считал, что по итогам его канцлерства Германия перестала быть «карликом в политике»: она «научилась играть политическую роль, соответствующую её историческому и географическому положению». Сегодня этого уже нельзя сказать о Европе, и, согласно немецким дебатам, даже о Германии, хотя и в новых стратегических условиях, возникших в связи с воссоединением страны и созданием федерации евро.

Шмидт также считал, что санкции, принятые Рейганом в конце 1981 года в ответ на военное положение, объявленное в Польше Войцехом Ярузельским, были примером *телевизионной демократии* и политикой, импровизированной на эмоциях момента, особенно когда немецкую *Ostpolitik* обвинили в стремлении *умиротворить* Москву, а санкции были призваны блокировать *сибирский трубопровод* между Германией и СССР. Спустя сорок лет российско-германская энергетическая связь была разорвана из-за *украинской войны*, а *Ostpolitik* приостановлена.

Тома Гомар из IFRI (Французский институт международных отношений), представляя в *Le Monde* свою работу “*L'accélération de l'histoire*”, затрагивает именно вопрос *времени* европейского империализма. Он утверждает, что, особенно во Франции, необходимо понять, что война на Украине, начавшаяся в 2014 году аннексией Крыма, – это «по крайней мере, *вопрос одного поколения*». Задаваясь вопросом, достигли ли мы «*середины пути*» в этом кризисе, Гомар предполагает, что стратегическое урегулирование с Москвой не может быть достигнуто по крайней мере в течение десятилетия; возможность того, что ЕС придётся самостоятельно взять на себя защиту Украины, если американское отступничество Трампа примет форму, станет для европейцев «*моментом истины в их стремлении к стратегической автономии*». Что касается «*ускорения истории*», то расширяющаяся война в Газе также демонстрирует «*беспрецедентную концентрацию конфликтов*»; Тайваньский пролив и Южно-Китайское море, Ормузский пролив в Персидском заливе и Босфор, «*защёлка Чёрного моря*», являются центральными точками этой «*взаимозависимости*» горячих точек кризиса; для Франции и Европы «*ухудшение международной ситуации ускоряется быстрее, чем растёт военная готовность*».

Кристиан Мёллинг из DGAP, Немецкого общества внешней политики, в своей работе “*Fragile Sicherheit*” (“Хрупкая безопасность”), пишет о «*конце мира*» и наступлении «*нового конфликтного порядка*»; европейцам придётся адаптироваться к новым условиям, в которых они окажутся в «*постоянном конфликте*» с Россией или Китаем. В Германии должно начаться «*десятилетие политики безопасности*», где «*новым немецким вопросом*» станет вклад Берлина в оборону Европы; бундесвер должен снова стать самой мощной обычной армией Европы, способной на «*старт без разогрева*». Перевооружение в узком смысле потребует дополнительных расходов в размере 0,5 % ВВП; военные расходы и инвестиции в энергетическую реструктуризацию должны достигнуть 4 % ВВП. *Zeitenwende* стала признанием немецкого политического руководства в том, что оно неверно оценило мир; изменение процессов, материалов, а также политической «*культуры*» займёт «*от двенадцати до пятнадцати лет*».

Следующий европейский законодательный орган, в намерениях, заявленных в Париже, Берлине, а также в Риме или Мадриде, должен иметь «*конституирующий*» характер; проект Европейской комиссии заключается в том, чтобы связать каждый шаг расширения ЕС в направлении Украины и Балкан с институциональными шагами по углублению интеграции Союза. На восточном и средиземноморском фронтах европейского *ближнего зарубежья* течения *империалистического европеизма* демонстрируют, что они хотят ухватиться в *войнах кризиса порядка* за рычаг перевооружения Старого континента. Независимо от того, удастся ли ЕС ответить на свой *вопрос времени* на стратегическом и военном уровне, это уже новый знак как *европейского политического цикла*, так и трансформации атлантических отношений.

Январь 2024 г.

¹ - Дележа добычи (англ.).

² - “Кризис порядка и вековая пандемия”.

³ - Силы ядерного сдерживания.